УДК 336.7

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ НА БАНКОВСКИЙ СЕКТОР РОССИИ

Вертейко К.С.

бухгалтер,

Донской государственный технический университет,

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Медюха Е.В.

к.э.н., доц.,

Донской государственный технический университет,

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Синченко А.М.

бухгалтер,

Донской государственный технический университет,

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Васильева Д.С.

бухгалтер,

Донской государственный технический университет,

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация

Цифровой рубль как новая форма национальной валюты России с 1 сентября 2026 года вступил в фазу масштабного внедрения, что знаменует трансформацию платёжной инфраструктуры страны. В настоящей работе на основе официальных документов Банка России, исследований Национального рейтингового агентства и открытых академических источников оценивается влияние цифрового рубля на банковский сектор. Установлено, что воздействие передаётся по трём основным каналам: канал ликвидности – средства в цифровых кошельках размещаются непосредственно на платформе Банка

России, формируя структурное замещение пассивов банков; канал комиссионного дохода - ставка эквайринга по цифровому рублю существенно ниже, чем по банковским картам, что приводит к потере комиссионных доходов; канал процентной политики - отток дешёвых пассивов до востребования вынуждает банки замещать их более дорогим рыночным фондированием, что повышает процентные расходы и давит на чистую процентную маржу.

Цель работы - количественно и качественно оценить влияние внедрения цифрового рубля на банковский сектор России.

Объект исследования - банковский сектор Российской Федерации в условиях внедрения цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровой рубль; Банк России; ликвидность банков; комиссионный доход; чистая процентная маржа.

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF THE DIGITAL RUBLE ON THE RUSSIAN BANKING SECTOR

Verteiko K.S.

Accountant,

Don State Technical University,

Rostov-on-Don, Russian Federation

Medyukha E.V.

PhD, Associate Professor,

Don State Technical University,

Rostov-on-Don, Russian Federation

Sinchenko A.M.

Accountant,

Don State Technical University,

Rostov-on-Don, Russian Federation

Vasilyeva D.S.

Accountant,

Don State Technical University,

Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The digital ruble, as a new form of Russia's national currency, entered the phase of large-scale implementation on September 1, 2026, marking a transformation of the country's payment infrastructure. In this paper, based on official documents of the Bank of Russia, research by the National Rating Agency, and open academic sources, the impact of the digital ruble on the banking sector is assessed. It has been established that the impact is transmitted through three main channels: the liquidity channel – funds in digital wallets are placed directly on the Bank of Russia platform, forming a structural substitution of banks' liabilities; the fee income channel – the acquiring rate for the digital ruble is significantly lower than for bank cards, which leads to a loss of commission income; the interest rate policy channel – the outflow of cheap demand liabilities forces banks to replace them with more expensive market funding, which increases interest expenses and puts pressure on the net interest margin.

The aim of the work is to quantitatively and qualitatively assess the impact of the digital ruble's introduction on the Russian banking sector.

The object of the study is the banking sector of the Russian Federation under the conditions of digital ruble implementation.

Keywords: digital ruble; Bank of Russia; bank liquidity; commission income; net interest margin.

1 сентября 2026 года в России началось масштабное внедрение цифрового рубля [6; 7]. Согласно законодательству, системно значимые банки первыми обязаны обеспечить клиентам открытие цифровых кошельков, переводы и оплату; крупные торговые предприятия одновременно начинают принимать цифровой рубль, а остальные банки и продавцы подключаются поэтапно - в 2027

и 2028 годах [7]. Это означает, что проект цифрового рубля, запущенный в 2021 году, переходит в практическую фазу [6].

Ключевая особенность институционального дизайна определяет каналы воздействия на банковский сектор. В отличие от безналичных рублей, обращающихся в банковской системе, цифровые рубли хранятся в специальных кошельках на платформе Банка России, а коммерческие банки обеспечивают клиентам доступ к платформе [6]. Следовательно, когда клиент переводит средства с банковского счёта в цифровой кошелёк, эти деньги фактически покидают баланс коммерческого банка [5].

Учитывая потенциальное влияние на ликвидность банковской системы, Банк России установил лимит пополнения в 300 тыс. руб. в месяц как «амортизатор» для сдерживания быстрого оттока средств из банковской системы [6]. Однако даже при таком ограничении НРА прогнозирует, что в течение пяти лет не менее 10% средств населения могут покинуть банковскую систему [4].

1. Канал замещения ликвидности.

Механизм влияния цифрового рубля на ликвидность банков формализуется следующим образом [5]. Пусть в структуре пассивов коммерческого банка i остатки на счетах до востребования населения составляют Di. После внедрения цифрового рубля клиенты переводят часть средств в кошельки на платформе Банка России с коэффициентом конверсии θ (0≤θ≤1) [5]. Тогда сокращение средств до востребования банка i равно:

$$\Delta D_i = \theta \cdot D_i \quad (1)$$

Совокупный отток по банковской системе:

$$\Delta D_{total} = \sum_{i=1}^{N} \theta \cdot D_i = \theta \cdot D_{total} \quad (2)$$

где D_{total} - совокупный объём депозитов населения в банковской системе.

Согласно прогнозу НРА, потенциальный отток средств населения может составить не менее 10% ресурсной базы банков за пятилетний период [4]. При объёме депозитов населения России свыше 67 трлн руб. (на 1 июля 2026 года) [1] среднегодовой отток составит:

$$\Delta D_{annual} = \frac{\theta \cdot D_{total}}{5} = \frac{0{,}1 \cdot 67}{5} = 1{,}34 \text{ трлн. руб.} \quad (3)$$

что согласуется с оценкой НРА в 1–1,5 трлн руб. в год [4]. Дополнительный эффект связан с остатками на корреспондентских счетах. Если доля цифровых рублей в платёжном обороте достигнет 10%, остатки на корсчетах могут сократиться примерно на 34,1% - с 4,4 до 2,9 трлн руб. [5], что усиливает давление на ликвидность.

2. Канал замещения комиссионного дохода.

Влияние цифрового рубля на комиссионные доходы банков в основном определяется эффектом замещения на рынке эквайринга [3]. Текущая ставка эквайринга по банковским картам обычно составляет 1,5–2,5%, тогда как по цифровому рублю - существенно ниже (порядка 0,3%) [3].

Тогда потеря комиссионного дохода банков составляет:

$$\Delta C = T \cdot p \cdot (s_k - s_d) \quad (4)$$

где T - совокупный объём платежей за товары и услуги;

- s_k - средняя ставка эквайринга по картам;

- s_d - ставка эквайринга по цифровому рублю;

- p - доля платежей, перешедших на цифровой рубль.

При T=40 трлн руб., p=0,14, sk=0,018, sd=0,003:

$$\Delta C = 40 \cdot 0{,}14 \cdot (0{,}018 - 0{,}003) = 0{,}084 \text{ трлн руб.} \approx 84 \text{ млрд руб./год}$$

При более высоком проникновении p=0,20 потери достигают:

$$\Delta C = 40 \cdot 0{,}20 \cdot 0{,}015 = 0{,}12 \text{ трлн руб.} = 120 \text{ млрд руб./год}$$

Таким образом, при проникновении 14% потери превышают 80 млрд руб. в год, а при 20% - 120 млрд руб. в год [3].

3. Канал стоимости фондирования и процентной маржи.

Отток дешёвых пассивов до востребования вынуждает банки замещать их более дорогими источниками - срочными депозитами, межбанковскими кредитами, облигациями [2].

Тогда прирост процентных расходов банков:

$$\Delta E = \Delta D \cdot (r_m - r_d) \quad (5)$$

где ΔD - объём оттока;

- r_d - ставка привлечения по счетам до востребования (низкая);

- r_m - ставка замещающего рыночного фондирования (высокая).

При ΔD=1,34 трлн руб., r_d=0,01, r_m=0,15:

$$\Delta E = 1{,}34 \cdot (0{,}15 - 0{,}01) = 0{,}1876 \text{ трлн руб.} \approx 188 \text{ млрд руб./год}$$

Это повышение расходов напрямую снижает чистую процентную маржу (NIM) [2]:

$$\Delta NIM = \frac{\Delta E}{A} \cdot 100\% \quad (6)$$

где A - работающие активы.

При A=100 трлн руб.:

$$\Delta NIM = \frac{0{,}188 \text{ трлн. руб}}{100 \text{ трлн. руб.}} \cdot 100\% = 0{,}19 \text{ п. п.}$$

Совокупное давление на финансовый результат сектора складывается из потери комиссионных доходов и прироста процентных расходов, что в сумме составляет 272–308 млрд руб. в год. При чистой прибыли банковского сектора порядка 3–3,5 трлн руб. (оценка на основе данных Банка России) это соответствует 8–10% прибыли сектора.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, цифровой рубль оказывает структурное воздействие на банковский сектор России [5]. Через канал ликвидности из банковской системы ежегодно может уходить 1–1,5 трлн руб. [4]; через канал комиссионного дохода потери при проникновении 14% превышают 84 млрд руб. в год, а при 20% — около 120 млрд руб. в год [3]; замещение оттока дешёвых пассивов рыночным фондированием при заданных даёт прирост процентных расходов порядка 188 млрд руб. в год, что соответствует снижению чистой процентной маржи примерно на 0,19 п.п. при работающих активах 100 трлн руб. [2].

Важно отметить, что приведённые величины ΔC и ΔE характеризуют прямое давление на комиссионные и процентные доходы (расходы) сектора. Их трансляция в снижение итоговой прибыли зависит от возможности банков компенсировать выпадающие доходы (рост некомиссионных доходов, оптимизация расходов, переоценка кредитных ставок); с учётом этого совокупное снижение прибыли сектора оценивается в 8-10% в зависимости от сценария.

Во-вторых, внедрение цифрового рубля означает превращение платёжной инфраструктуры в общественное благо [6]. Банки утрачивают часть «платёжной ренты», но получают стимул к развитию сервисов с добавленной стоимостью - прежде всего на базе смарт-контрактов [7]. Конкурентоспособность банка в новой среде будет определяться не столько стоимостью расчётов, сколько качеством цифровых сервисов, встроенных в платёжную инфраструктуру [3; 5]. Таким образом, цифровой рубль не разрушает банковский сектор, но требует от него смены бизнес-модели: от посредничества в расчётах - к созданию ценности на основе цифровых сервисов и данных [2].

Библиографический список

1. Банк России. Статистические данные по объёму депозитов населения в банковском секторе Российской Федерации (на 1 июля 2026 года) // Банк России: официальный сайт. — URL: http://www.cbr.ru/statistics/ (дата обращения: 12.11.2026).

2. Ермилова, С. Т. Цифровой рубль как канал трансмиссии денежно-кредитной политики: трансформация процентного механизма / С. Т. Ермилова // Аудиторские ведомости. — 2026. — № 2. — С. 25–29.

3. Мартанус, О. Р. Влияние цифрового рубля на банковский сектор России: сценарный анализ кредитной активности и прибыльности / О. Р. Мартанус, А. М. Боков // Финансовые рынки и банки. — 2026. — № 6. — С. 442–445.

4. Национальное рейтинговое агентство. Прогноз влияния цифрового рубля на банковский сектор России: аналитический отчёт. — Москва: НРА, 2026. — URL: https://www.ra-national.ru/ (дата обращения: 12.11.2026).

5. Пастухов, Е. М. Оценка влияния цифрового рубля на депозиты коммерческих банков России / Е. М. Пастухов, С. В. Гришунин // Финансовый журнал. — 2025. — № 3. — С. 126–140.

6. Российская Федерация. Банк России. Положение о платформе цифрового рубля: от 3 августа 2023 года № 820-П (с изм., внесёнными Указанием Банка России от 8 октября 2025 года № 7203-У) // Банк России: официальный сайт. — URL: http://www.cbr.ru/psystem/dr/doc_dr/rules_dr/ (дата обращения: 12.11.2026).

7. Российская Федерация. Банк России. Указание «О внесении изменений в Положение Банка России от 3 августа 2023 года № 820-П "О платформе цифрового рубля"»: от 7 апреля 2026 года № 7342-У // Банк России: официальный сайт. — URL: http://www.cbr.ru/system/dr/doc_dr/rules_dr/ (дата обращения: 12.11.2026).